

Полянина Ольга Анатольевна

ВТОРИЧНАЯ ЗАНЯТОСТЬ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Статья посвящена проблеме вторичной (дополнительной) занятости земских и городских служащих в дореволюционной России. Впервые в отечественной историографии предпринята попытка комплексного анализа форм и видов дополнительных заработков "третьего элемента". Исследуется включенность во вторичную занятость различных профессиональных групп. На основании источников различной типологии устанавливается, что выбор стратегии вторичной занятости зависел не только от образовательного уровня, но и графика работы конкретной категории служащих.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/9/35.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 9(71) С. 166-169. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

6. **Ольянда Ф. де.** Четыре разговора о живописи / пер. с ит. В. Шилейко // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли: в 5-ти т. М.: Изд-во академии художеств СССР, 1962. Т. 1. Античность. Средние века. Возрождение. 682 с.
7. **Пановский Э.** Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада. СПб.: Азбука-классика, 2006. 640 с.
8. **Реньё Л.** Повседневная жизнь отцов-пустынников IV века. М.: Молодая гвардия, 2008. 352 с.
9. **Словарь средневековой культуры** / отв. ред. А. Я. Гуревич. М.: РОССПЭН, 2003. 632 с.
10. **Степанов А. В.** Искусство эпохи Возрождения. Нидерланды, Германия, Франция, Испания, Англия. СПб.: Азбука-классика, 2009. 640 с.
11. **Хёйзинга И.** Осень Средневековья. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 786 с.
12. **Les Primitifs Flamands:** Corpus de la peinture des anciens pays-bas meridionaux au quinzieme siècle // The National Gallery. London, 1953. Vol. I. Antwerp: De Sikkel, 219 p., 470 pl.
13. **Magdeburg M. von.** Offenbarungen der Schwester Mechthild von Magdeburg, oder das fließende Licht der Gottheit. Regensburg, 1869. 333 S.
14. **Moxey K.** The Practice of Persuasion: Paradox and Power in Art History. Ithaca: Cornell University Press, 2001. 176 p.
15. **Panofsky E.** Die altniederländische Malerei. Ihr Ursprung und Wesen / Übersetzt und hrsg. von J. Sander und S. Kemperdick. Köln: DuMont-Literatur-und-Kunst-Verl., 2006. 566 S.
16. **Preger W.** Geschichte der deutschen Mystik im Mittelalter: in 3 Bde. Leipzig: Dörffling und Franke, 1874. Bd. I. Teil: Geschichte der deutschen Mystik bis zum Tode Meister Eckhart's. 485 S.
17. **Robb D.** The Iconography of the Annunciation in the Fourteenth and Fifteenth Centuries // The Art Bulletin. 1936. Vol. 18. №. 4. P. 480-526.

MYSTICAL EXPERIENCE VISUALIZATION IN THE INTERNATIONAL GOTHIC AND "ARS NOVA"

Pershin Yaroslav Viktorovich
Novosibirsk State University
myelewator@gmail.com

The article by the example of some altars of the end of the XIV-XV centuries analyzes the motives for radical stylistic shift to "realism" in the art of this period. It is associated with the developmental history of mysticism and transformation of the conception of ineffability of God which became antagonistic with the religious sphere of everyday life. The social function and structure of mystical vision was carried over to the composition of an image which, in its turn, should be included into the real space.

Key words and phrases: High Middle Ages; visual history; medieval thinking; mysticism; iconography; "ars nova"; symbolism; realism.

УДК 94(470.57)

Исторические науки и археология

Статья посвящена проблеме вторичной (дополнительной) занятости земских и городских служащих в до-революционной России. Впервые в отечественной историографии предпринята попытка комплексного анализа форм и видов дополнительных заработков «третьего элемента». Исследуется включенность во вторичную занятость различных профессиональных групп. На основании источников различной типологии устанавливается, что выбор стратегии вторичной занятости зависел не только от образовательного уровня, но и графика работы конкретной категории служащих.

Ключевые слова и фразы: дополнительный заработок; вторичная занятость; органы местного самоуправления; земские служащие; городские служащие; «третий элемент».

Полянина Ольга Анатольевна, к.и.н.
Башкирский государственный университет
olga-polyanina@mail.ru

ВТОРИЧНАЯ ЗАНЯТОСТЬ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Обращение к проблеме уровня и качества повседневной жизни населения является неотъемлемой частью как научной, так и общественной дискуссии, существующей по поводу ключевых этапов отечественной истории. В последнее десятилетие представителям целого ряда гуманитарных дисциплин удалось актуализировать научное направление, которое можно условно назвать «цены и зарплаты» [20, с. 503-536]. При всей значимости подобных исследований индекс цен и заработной платы не следует абсолютизировать, поскольку он, как правило, строится без учета целого ряда факторов, в частности дополнительной (то есть вторичной по отношению к основной) занятости.

Очевидно, что сведения о данном виде занятости далеко не всегда фиксировались в документах или обобщались современниками. В данном контексте объектом исследования призваны стать те социальные

и профессиональные группы, чья вторичная занятость нашла отражение в источниках. Для пореформенной России одной из таких групп являются земские и городские служащие («третий элемент») – вольнонаёмные сотрудники органов местного самоуправления. Поскольку процесс формирования их правового и социального статуса ещё не был завершён, проблемы совмещения муниципальной (общественной) и частной службы поднимались не только на заседаниях земских собраний и городских дум, но и в публицистике, художественной литературе.

В советской историографии преобладало убеждение, что для большинства представителей «третьего элемента» «жалование составляло единственный источник существования» [22, с. 163]. Современные исследования, доказывая многомерность социальной стратификации пореформенного общества, свидетельствуют о том, что отдельные группы муниципальных служащих могли получать дополнительные доходы от личного подсобного хозяйства, занятий промыслами или частной практикой, сдачи в аренду недвижимости [15, с. 32-36, 54-60]. Однако в силу крайней неоднородности «третьего элемента» его «отряды» имели совершенно разные возможности для приработка.

Из всех профессиональных групп наибольшей свободой пользовались архитекторы и инженеры. Разрешение на занятия частной практикой (или получение процентов от составления проектов частных построек) нередко содержалось уже в объявлении о «спросе на труд». Именно на таких условиях приглашали специалистов Кунгурская [5, с. 65-70], Павлодарская [6, с. 600-615], Пермская [31, с. 44] и другие городские управы.

Приглашая на службу врачей, органы местного самоуправления, напротив, стремились взять с них «обязательство не заниматься частной практикой» [4, с. 1136-1150], но в данном случае проблема совместительства находилась не только в юридической плоскости. В конце XIX в. на страницах медицинских, а затем и общественно-политических журналов развернулась дискуссия об этической возможности совмещения земской службы и частной практики. Старожилы общественной медицины рассматривали свою деятельность как служение, долг интеллигенции перед народом. Молодое поколение, отстаивая своё право на комфортные условия и достойную оплату труда, относилось к дополнительным заработкам более рационально [16, с. 218-219].

В произведениях В. В. Вересаева, А. М. Горького, А. П. Чехова отношение врачей к частной практике становится лакмусовой бумажкой для характеристики нравственных качеств героев. В пьесе А. М. Горького «Дачники» врач городской управы Кирилл Дудаков готов по требованию «осла городского головы» экономить на лекарствах и питании больных, потому что «у него нет частной практики и он не может бросить это дурацкое место» [9, с. 199].

Знаменитый чеховский «Ионыч» – земский врач Дмитрий Старцев – через четыре года после поступления на службу «имел уже большую практику» в ближайшем городе. «Каждое утро он спешно принимал больных у себя в Дялиже, потом уезжал к городским больным, уезжал уже не на паре, а на тройке с бубенчиками, и возвращался домой поздно ночью». Незаметно Ионыч «втянулся в развлечение по вечерам вынимать из карманов бумажки, добытые практикой». Спустя ещё несколько лет практика становится «громадной», у Старцева имение и два дома, но «всё же он не бросает земского места; жадность одолела» [29, с. 252-270]. В истории литературы Ионыч остался примером «духовного ожирения», но медицинское сообщество восприняло рассказ более прямолинейно, расценив образ героя как «пemento моги для молодых врачей» [14, стб. 481-484].

Если рассматривать проблему совместительства вне литературно-публицистического контекста, то необходимо признать, что возможность заниматься частной практикой была только у двух сравнительно немногочисленных групп – врачей, находившихся на службе в городских управах, и тех земских докторов, которые работали в уездных или губернских центрах. Последних, по оценкам Н. М. Пирумовой, насчитывалось около 12% от общего количества земских врачей [22, с. 127]. Доктора, служившие в сельской местности, в большинстве случаев могли рассчитывать только на подаренные пациентами «полотенца с петухами» [1, с. 71-147].

Помимо медиков в фокусе общественного внимания неизменно находились учителя начальных училищ. Постоянная занятость в течение учебного года, с одной стороны, и 360-рублёвое жалование, ставшее синонимом «голодного бюджета», с другой, вынуждали педагогов искать всё новые виды сезонных приработков. По данным И. В. Зубкова, учителя занимались сельским хозяйством, ловили рыбу, разводили фруктовые сады, нанимались надзирателями за полевыми работами, десятниками в ремесленные мастерские, страховыми агентами, вели метеорологические наблюдения и т.д. [17, с. 55-56]. К началу XX в. целый ряд земств выступил инициатором открытия в деревнях яслей-приютов, работавших во время летней страды. Труд по заведыванию новыми учреждениями в большинстве случаев брали на себя местные учительницы [3, с. 303-306].

Тезис о наличии дополнительных источников доходов справедлив далеко не для всех «отрядов» муниципальных служащих. Выявление «обделённых» в данном отношении профессиональных групп уместно проводить с учётом режима их работы, позволявшего (или однозначно не позволявшего) побочные занятия. Так, на удлинённый рабочий день (до 15 часов в сутки) жаловались аптекарские служащие и эпидемические врачи. Практически круглосуточно были заняты на работе сиделки и фельдшера, жившие при больницах, надзиратели психиатрических лечебниц. Телефонистки земских телефонных станций также не имели физической возможности отлучиться с дежурства. Статистики, агрономы и ветеринары были ограничены в поиске дополнительного заработка в силу разъездного характера своей деятельности. Отдельных специалистов (ветеринаров, эпидемических врачей) органы местного самоуправления вознаграждали за сверхзанятость сравнительно высоким жалованием; остальные пытались компенсировать скромный заработок различными социальными льготами (в первую очередь, земскими и городскими стипендиями на обучение детей [24, с. 156-161]).

Представители других категорий «третьего элемента», напротив, рассматривали муниципальную службу только как источник дополнительного дохода. Типичным примером являлись ночные сторожа земских и городских зданий, а среди более квалифицированных кадров – библиотекари земских читален. Как показало масштабное анкетирование, проведенное в 1910 г. Обществом библиотковедения, «редкая сельская библиотека имела библиотекарем интеллигентное лицо, нанятое специально для исполнения обязанностей библиотекаря и ничем другим не занятое». Назначая ничтожное жалование (15-50 руб. в год), органы местного самоуправления, по сути, изначально соглашались с тем, что такие библиотекари – учителя, местные крестьяне, писари – будут уделять работе по выдаче книг не более 6-14 часов в неделю. В качестве единственного исключения называлось Уфимское земство, где учителя, выполнявшие обязанности библиотекарей, «получали 180 руб. в год, но за то работали ежедневно после школьных занятий до позднего времени» [23, с. 7-31].

Особое положение занимали такие экзотические профессиональные группы, как оспопрививатели и патронатные воспитатели. Обращение к ним в контексте данного исследования обусловлено тем, что отдельные земства рассматривали их как своих служащих [12, с. 6, 40-41], хотя правовые основания для этого были минимальны. И те и другие рекрутировались из низших социальных слоёв и нанимались земством на условиях сдельной оплаты труда: оспопрививатели получали фиксированную сумму (5-20 коп. в разные годы) за каждую удачную прививку, а патронатные воспитатели – за каждого взятого на воспитание подкидыша (от 2 до 6 руб. в месяц). При этом гласные земских собраний вполне отдавали себе отчёт в том, что воспитательницы – «жёны сапожников и прачки» – забирали детей исключительно с целью пополнения семейного бюджета [11, с. 675-689].

Исследование проблемы совмещения муниципальной и частной службы в условиях конкретного региона (в частности, Уфимской губернии) позволяет зафиксировать те же тенденции, что и на общероссийском уровне. Мемуары современников сохранили как образы врачей «бессребренников» [19, с. 123], так и «очень любящих деньги» [25, д. 831, л. 28-33]. Если местом работы врача становился уездный или губернский центр, то частную практику без труда находили даже ссыльные и поднадзорные [10, с. 43]. В отдаленных сельских районах докторам требовалось «много энергии и живости, чтобы удовлетворить всех обращающихся на бесплатной основе» [2, с. 31].

В отдельных случаях органы местного самоуправления легализовывали совмещение нескольких должностей. После открытия в Уфе фельдшерско-акушерской школы в штат ее преподавателей вошли все врачи губернской земской больницы, которые в результате получили дополнительную нагрузку, но и дополнительный заработок [21, с. 1-20; 27, д. 6, л. 34-35]. Школьные учителя считались наиболее желанными претендентами на места заведующих земскими летними яслями-приютами [30, с. 9-10]. Служители Уфимской городской пожарной команды могли получить разрешение на занятие «разным мастерством» (чаще всего сапожным делом) прямо в казармах пожарных частей – брандмейстер требовал только убирать появлявшийся мусор [28, д. 1, л. 275]. В привилегированном положении находились специалисты, обладавшие уникальными – по крайней мере, для провинции – знаниями и навыками. В договоре, заключенном в 1907 г. с электротехником А. А. Багатурьянцем, Уфимская дума официально предоставила ему право «вести частные работы в пределах города, как по установке электрического освещения, так и проведения водопроводов» [13, с. 572].

В то же время, если дополнительные занятия начинали мешать добросовестному исполнению прямых обязанностей, муниципальные власти могли отреагировать достаточно жёстко. Уфимская дума отстранила от занимаемой должности городского архитектора К. Гуськова – последний «увлёкся частными постройками, вследствие чего получился громадный недочёт в школьных зданиях», на которые местный бюджет перерасходовал до 35 тыс. руб. В 1903 г. в Белебее был уволен городской врач Н. А. Соломаха. Главной причиной отставки послужил затяжной конфликт с городским головой А. Л. Напалковым, но при голосовании решающим аргументом стало совмещение Соломахой обязанностей городского врача и распорядителя торговли Общества Потребителей [26, д. 6, л. 120]. В ежегодной отчётности Уфимского губернского земства рядом с графой «число всех врачей, состоящих на службе земства» всегда указывалось, сколько из них было «всецело занято земской службой». В зависимости от уезда доля врачей, не занимавшихся совместительством, колебалась от 100% (Уфимский и Бирский уезды) до 70% (Белебеевский уезд), но само внимание земства к данной проблеме уже показательно [18, с. 340-351].

Несмотря на то, что провинция имела гораздо больше оснований жаловаться на кадровый голод, появление служащих, «ухитрявшихся быть одновременно торговыми попечителями, санитарными врачами и делопроизводителями комиссий», произошло и в столичной городской управе [8, с. 349]. В результате прямой запрет на совмещение муниципальных должностей стал составной частью «Опыта муниципальной программы», разработанного в 1915 г. группой общественных деятелей Санкт-Петербурга [7, с. 1172-1191].

Таким образом, исследование проблемы вторичной занятости земско-городских служащих позволяет говорить о многообразии форм дополнительных заработков и, как следствие, достаточно активном экономическом поведении данной группы населения. Сопоставление делопроизводственной документации и источников личного происхождения доказывает, что выбор стратегии вторичной занятости зависел не только от образовательного уровня, но и графика работы конкретной категории служащих. Отсутствие нормативной базы, регулирующей совмещение муниципальной и частной службы, позволяло органам местного самоуправления проводить максимально гибкую кадровую политику. Разрешая (а в отдельных случаях поощряя) вторичную занятость своих служащих, городские и земские управы получали возможность нанимать нужное количество сотрудников без увеличения нагрузки на бюджет.

Список литературы

1. Булгаков М. А. Записки юного врача // Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 1. С. 71-147.
2. Веретенникова А. И. Записки земского врача / предисл., коммент., подготовка документов В. А. Скачилова. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1981. 112 с.
3. Голикова С. В., Дашкевич Л. А. Призрение детей на Урале в XVIII – начале XX в.: институциональный и социокультурный аспекты. Екатеринбург: РИО УрО РАН, 2013. 436 с.
4. Городское дело. 1910. № 17.
5. Городское дело. 1914. № 2.
6. Городское дело. 1914. № 10.
7. Городское дело. 1915. № 22.
8. Городское дело. 1916. № 7.
9. Горький М. Дачники // Горький М. Собрание сочинений: в 30-ти томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. Т. 6. Пьесы. 1901-1906. С. 177-284.
10. Елпатьевский С. Я. Воспоминания за пятьдесят лет. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1984. 360 с.
11. Журналы Уфимского губернского земского собрания XXXIV очередной и XLI чрезвычайной сессий 1908 и 1909 годов. Уфа: Паровая типо-лит. Тор. Дома Л. Е. Милюков и И. А. Медведев, 1909. XXII+1257 с.
12. Журналы Уфимского губернского земского собрания 49-й чрезвычайной сессии 13, 14 и 15 сентября 1915 г. Уфа: Электр. Типо-Литография Ф. Г. Соловьева, 1915. II+III+77 с.
13. Журналы Уфимской городской думы. 1907 год. Уфа: Электрическая типо-литография Т-ва Ф. Г. Соловьев и К°, 1908. 772 с.
14. Задёра Г. П. Медицинские деятели в произведениях А. П. Чехова // Нива. 1903. № 9. Стб. 301-324, 481-510.
15. Зайцева О. М., Канищев В. В., Орлова В. Д., Стрекалова Н. В. Изменения социальной стратификации городского населения Центрального Черноземья в конце XIX – начале XX в. // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири: сборник статей / под ред. В. А. Скубневского. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 30-71.
16. Земское самоуправление в России, 1864-1918: в 2-х кн. / отв. ред. Н. Г. Королева. М.: Наука, 2005. Кн. 2. 1905-1918. 384 с.
17. Зубков И. В. Учительская интеллигенция России в конце XIX – начале XX в.: дисс. ... к.и.н. М., 2008. 334 с.
18. Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств: к сорокалетию существования земств Уфимской губернии. 1875-1914 гг. Уфа: Электрическая типография «Печать», 1915. 445 с.
19. Минцлов С. Р. Уфа. Дебри жизни. Дневник 1910-1915 гг. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1992. 172 с.
20. Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М.: Новый хронограф, 2010. 911 с.
21. Отчет по Уфимской губернской земской больнице, аптеке, богадельне и патронажу для подкинутых детей за 1912 год / сост. ст. врачом больницы Б. П. Ручинским. Уфа: Тип. Т-ва «Печать», 1913. 118 с.
22. Пирумова Н. М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М.: Наука, 1986. 270 с.
23. Плотников А. Е. Народные и общественные библиотеки по данным анкеты Общества библиотекосведения // Библиотекарь. 1910. Вып. I. С. 7-31.
24. Полянина О. А. Система выплаты стипендий земским и городским служащим Уфимской губернии // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Уфа: Институт этнологических исследований Уфимского научного центра РАН, 2010. С. 156-161.
25. Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ). Ф. 9776. Оп. 2.
26. Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ). Ф. И-9. Оп. 1.
27. ЦИА РБ. Ф. И-121. Оп. 1.
28. ЦИА РБ. Ф. И-387. Оп. 1.
29. Чехов А. П. Ионыч // Чехов А. П. Собрание сочинений: в 12-ти томах. М.: Правда, 1985. Т. 9. С. 252-270.
30. Эльцин Б. М. Для чего нужны и как устраивать ясли-приюты в деревнях Уфимской губернии. Уфа: Электр. типография «Печать», 1916. 24 с.
31. Ярома О. В. Городское самоуправление Пермской губернии в период с 1905 г. по февраль 1917 г.: дисс. ... к.и.н. Пермь, 2005. 245 с.

SECONDARY EMPLOYMENT OF MUNICIPAL OFFICIALS IN POST-REFORM RUSSIA

Polyanina Ol'ga Anatol'evna, Ph. D. in History
Bashkir State University
olga-polyanina@mail.ru

The article is devoted to the problem of secondary (additional) employment of rural and urban officers in pre-revolution Russia. For the first time in the domestic historiography the attempt is made of a complex analysis of forms and types of extra earnings of "the third element". The involvement in secondary employment of various professional groups is examined. On the basis of the sources of different typology it is established that the strategy choice of the secondary employment depended not only on educational level, but on the work schedule of employees' specific categories.

Key words and phrases: extra earnings; secondary employment; local authorities; rural officials; urban employees; "third element".